

БЫТЬ ФИЛОСОФОМ – СОЧЕТАТЬ НЕСОЧЕТАЕМОЕ*

Шиповалова Лада

Владимировна – доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: ladaship@gmail.com

В статье предпринимается попытка развития конструктивной «формулы оксюморона», предложенной Н.И. Кузнецовой для интерпретации идей и судьбы представителей Венского кружка. Сочетание несочетаемого раскрывает содержание этой формулы. Автор статьи предлагает увидеть сочетание несочетаемого, во-первых, в темпоральном характере работы Венского кружка, объединяющем, с одной стороны, стремление к окончательности в решении задач и, с другой, открытость развитию. Во-вторых, сочетание несочетаемого раскрывается через связь и различие позиций М. Шлика и О. Нейрата в дискуссии о протокольных предложениях. Позиция Шлика при этом определяется как философское стремление сочетать несочетаемое и предложить перевод констатаций как выражений, описывающих субъективный непосредственный опыт, на intersubjective язык науки, значение которого акцентирует Нейрат.

Ключевые слова: Венский кружок, научное знание, intersubjectivity, философские основания науки

TO BE A PHILOSOPHER IS TO COMBINE INCOMPATIBILITIES

Lada V. Shipovalova –

DSc in Philosophy, Professor. Saint Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation; e-mail: ladaship@gmail.com

The article attempts to develop the “oxymoron formula” proposed by N.I. Kuznetsova to interpret the ideas and fate of the representatives of the Vienna Circle. The combination of incompatible reveals the content of this formula. The author of the article proposes to see a combination of incompatible, firstly, in the temporal nature of the work of the Vienna Circle, which unites, on the one hand, the desire for finality in solving problems and, on the other, openness to development. Secondly, she describes the combination of incompatible through the relation and difference of the positions of M. Schlick and O. Neurath in the discussion about protocol sentences. The author defines Schlick’s position as a philosophical desire to combine incompatible and offer a translation of affirmations as expressions describing subjective immediate experience into the intersubjective language of science, the meaning of which is emphasized by Neurath.

Keywords: Vienna Circle, scientific knowledge, intersubjectivity, philosophical foundations of science

* Исследование выполнено при поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета, проект ID 104245464. The study is supported by the St. Petersburg University, project ID 104245464.

Развивая оксюморон

В своей статье, посвященной 100-летию Венского кружка, Наталия Ивановна Кузнецова предлагает использовать концепт оксюморона. Сочетание несочетаемого, раскрывающее его содержание, действительно позволяет схватить как коллизии судьбы объединения логических позитивистов, так и принципы их работы с философскими основаниями науки. Ясность и отчетливость языка науки, свободного от формальных противоречий и содержательной неопределенности, представляет собой цель этой работы. Ее реализация может позволить справиться с кризисом наук, ставящим под вопрос их единство и объективность. Важный момент, который подчеркивает Наталия Ивановна и от которого я хочу оттолкнуться в своем отклике на ее текст, состоит в эвристической силе «формулы оксюморона», обнаруживающей подлинные проблемы, как движущие деятельностью Венского кружка 100 лет назад, так и оставляющие ее актуальной в современности [Кузнецова, 2024, с. 26].

Упомянутая двойственность существования Венского кружка, завершеного во времени – формально кружок прекращает свое существование до Второй мировой войны – и сохраняющегося в истории, представляет собой темпоральное сочетание несочетаемого. Что может быть условием такого становления классическими идей и дискуссий логических позитивистов? Откуда берется сила их интеллектуального влияния, доходящего до наших дней и сохраняющего свой проблемный характер? Представляется, что источником этой силы служит парадоксальность, выражающаяся, с одной стороны, в уверенности в значении собственного дела и способности его завершить: разоблачить бессмысленность метафизики, совершить поворот в философии, отказавшись от нее как от «*универсальной науки наряду или над различными областями опытной науки*» [Карнап и др., 2006, с. 73], прояснить форму построения единой науки, язык которой должен быть связан «с непосредственно данным» [Там же, с. 66]. С другой стороны, идеи членов Венского кружка характеризует более или менее выраженная открытость. Это относится к присутствию среди членов и союзников Венского кружка не только и не столько философов, сколько ученых. Кроме того, несмотря на отчетливую новизну начинания даже в их Манифесте упоминаются предшественники, авторитеты и традиции, вокруг которых строились дискуссии накануне формирования Венского кружка: Юм и Просвещение, Пуанкаре, Мах и Эйнштейн, Лейбниц, Фреге, Рассел и Витгенштейн, Эпикур, Фейербах, Маркс и другие [Там же, с. 60]. Открытость прошлому дополняется открытостью будущему, готовностью к предстоящим «тяжелым сражениям» [Там же, с. 74]. Представляется, что такое сочетание несочетаемого – завершенности и открытости,

самодостаточности позиции и рефлексии ее ограниченности – наиболее отчетливо выразил Л. Витгенштейн в предисловии к *Логико-философскому трактату*, оценив свою задачу и ее реализацию следующим парадоксальным образом. «Я считаю, что поставленные проблемы в своих существенных чертах решены окончательно. И если я не ошибаюсь на сей счет, то вторая ценная сторона этой работы в том, что она показывает, сколь мало дает решение этих проблем» [Витгенштейн, 1994, с. 4].

Если мы продолжим задавать вопрос к основанию противоречия, то с удивлением обнаружим, что общим для несочетаемых позиций – надежды на завершенность и открытости, связанной с осмыслением собственных границ, – служит коллективный, интерсубъективный характер философской деятельности членов Венского кружка. Это выражается в том числе в том, что Наталия Ивановна называет оксюмороном именованая, сочетанием «Он и Они» [Кузнецова, 2024, с. 25], где сила совместной работы, дающая надежду на решение настоятельных задач, дополняется различием порой противоречащих позиций, создающих возможность и неизбежность внутренних дискуссий.

О проблематичности бытия философом в Венском кружке

Одна из таких ярких дискуссий относилась к определению протокольных предложений, того, что должно было служить основанием единого научного языка. В качестве центрального пункта этой дискуссии можно представить реакцию О. Нейрата на текст М. Шлика *О фундаменте познания*. Дело здесь не только в остроте негативной реакции, а в том, что ее можно прочесть как существенное разногласие в понимании смысла философского действия, которое не сглаживается разделяемой авторами критической направленностью по отношению к традиционной метафизике. В чем в самых общих чертах состоит это разногласие?

М. Шлик ставит вопрос об абсолютном фундаменте познания, точнее, следуя лингвистическому повороту, о тех предложениях, которые могут таким фундаментом служить. Идея Шлика состоит в том, что протокольные предложения остаются лишь гипотезами и «подвержены всевозможным сомнениям». Кроме того, попытка их обоснования через связь с другими предложениями не решает задачу обнаружения неотменяемых предложений и сама нуждается в руководящем принципе, посредством которого будет устанавливаться связь. В качестве ответа на вопрос Шлик предлагает констатации (affirmations), выражающие непосредственно воспринимаемое, собственный

чувственный опыт наблюдателя, включающие указательные слова «здесь и сейчас», придающие таким выражениям «смысл жеста» и делающие невозможной их запись. Констатации находятся в двойственном отношении к протокольным предложениям. С одной стороны, они представляют собой «повод для их образования» [Шлик, 2010, с. 375], предшествуют протоколам науки во времени. В таком виде констатации, имеющие форму «здесь и теперь так-то и так-то», ускользают от всякой фиксации и потому вряд ли могут служить фундаментом познания. С другой стороны, они имеют и вторую функцию – верификации гипотез, т.е. подтверждения протокольных предложений, которым не хватает окончательной надежности, коль скоро они остаются лишь «записями или следами в памяти» [Там же, с. 376]. В этой функции констатация появляется после протокольного предложения. Верификация представляет собой повторение констатации и потому приводит к «окончателности», связанной либо с удовлетворением, «радостью подтверждения», либо с разочарованием, если была обнаружена фальсификация. Окончателность означает для Шлика не завершение познания, но включение в него моментов несомненности, «незыблемых точек соприкосновения познания и действительности» [Там же, с. 384]. Шлик завершает свой текст почти поэтически, подходя к определению смысла философского действия. Констатации как предложения «ни в коем случае не лежат на дне науки, но познание словно извивается по направлению к ним, достигая каждого из них всего лишь на мгновение и тут же поглощая его. И будучи насыщенным и укрепленным, разгорается оно затем с новой силой. Эти мгновения наполнения и сгорания являются самыми существенными. Из них исходит весь свет познания. И именно об источнике этого света спрашивает философ, когда он ищет фундамент всякого знания» [Там же].

О. Нейрат в статье *Радикальный физикализм и «реальный мир»*, обращаясь к этим идеям Шлика, предлагает совершить работу по преодолению остатков метафизического мышления у членов Венского кружка, в данном случае у его руководителя. Он находит противоречия и избыточные апелляции к человеческому поведению в заботе Шлика об «абсолютной достоверности», а также в обращении к чувствам удовольствия и неудовольствия. Критика Нейрата направляется на стремление Шлика указать «однозначный критерий истины», которое можно считать метафизическим, предполагающим наличие «вечной, однозначной реальности», противостоящей «колебаниям по-человечески убогой науки» [Нейрат, 2010, с. 449]. Такое стремление, по Нейрату, игнорирует реальную научную практику, включающую существование «конкурирующих между собой систем предложений», из которых в ответ на конкретность планов и требование прогнозов выбирается одна из нескольких возможностей. Само разделение на констатации и протокольные предложения, где первые

как «псевдопредложения» наделяются специфическими характеристиками жестов, невозможностью быть записанными, но способностью «выразить невыразимое» и т.п., представляется Нейрату запутанным, неточным, вненаучным, т.е. уводящим от задачи «содействия науке» [Нейрат, 2010, с. 461]. В конечном итоге Нейрат проводит однозначное размежевание и с завершающим поэтическим тезисом Шлика о вопрошании философа. «Мы можем ценить такую лирику, но тот, кто – в согласии со многими другими разработками Шлика – защищает, во имя науки, радикальный физикализм, никоим образом не будет претендовать на то, чтобы быть философом в этом смысле» [Там же].

Сочетая несочетаемое

Можно ли обнаружить сочетание несочетаемого в противоречии между Шликом и Нейратом, которое, следует подчеркнуть, выражается не только в дискуссии о протокольных предложениях в публикациях 1934 г. Противоречие присутствовало и в их отношении к идеям Витгенштейна, проявившемся еще во времена чтения членами Венского кружка *Логико-философского трактата*, и в различии социально-политических позиций, и даже в неоднозначном восприятии Шликом Манифеста *Научное миропонимание – Венский кружок*. Может быть, стоит разрешить противоречие позиций, выбрав более адекватную представлениям логических позитивистов? В современных дискуссиях, относящихся к наследию Венского кружка в целом и спору о протокольных предложениях в частности, предлагаются способы разрешения антиномии философского дела, выраженной в противостоянии Шлика и Нейрата. Таким способом может быть различение двух эпистемологических позиций, связанных в первом случае с корреспондентной теорией истины и поиском достоверного фундамента познания, а во втором с верностью физикалистов когерентной теории [Oberdan, 1996, p. 269]. Несочетаемое может быть прояснено и через различие мотивов: в первом случае эпистемологического стремления дать ответ на старую проблему скептицизма новыми средствами лингвистического анализа, а во втором – философско-научного стремления создать такую концепцию доказательства, которая отвечала бы конкретной практике эмпирической науки. В первом случае допустимы апелляции к выражениям непосредственного человеческого опыта, выходящим за границы науки, которыми являются констатации, а во втором – нет, потому предельно значимыми остаются протокольные предложения [Bentley, 2022, p. 130]. Основанием различения несочетаемого может быть и критика теории констатаций Шлика, в основании которой лежит идея «индивидуального

автономного эпистемического агента», делающая лидера Венского кружка неактуальным в современности философом науки, неспособным учитывать принципиально intersubjective характер научного познания, на котором настаивает Нейрат [Ubel, 2020].

Что, однако, удивляет в таких попытках различения позиций, так это неизменное стремление «спасти» позицию Шлика, несмотря на ее почти очевидный провал. Так, Т. Убель на основании анализа рукописей Витгенштейна 30-х гг. предлагает «прочитать» теорию констатаций Шлика в связи с формирующейся уже тогда идеей Витгенштейна о значениях как результатах практик использования слов. Тогда констатации могут быть проинтерпретированы не как сообщения во внутренних состояниях субъекта, которые не могут быть подвергнуты сомнению, но как выражение его – субъекта – компетентности относительно собственных когнитивных операций [Ibid., p. 160]. Дж. Бентли связывает радикальные тезисы Шлика о непосредственных чувственных данных как основании научного познания с современной проблемой феноменального характера свидетельств (evidence). Хотя и позиция Нейрата, акцентирующего значение научного языка наблюдения как объективированного, в котором свидетельство человека может быть заменено машинным, представляется достаточно обоснованной, особенно в современном контексте [Bentley, 2022, p. 126, 133]. Предположу, что ответ на вопрос о причинах такого стремления к спасению лежит в понимании работы Шлика как медиации, о которой пишет Т. Оберден. Констатации с их специфической и не слишком определенной «семантикой указательных выражений» выполняют задачу опосредовать «физикалистский протокол и непосредственный опыт», они находятся между «ментальным состоянием и лингвистическим выражением», не являясь в строгом смысле слова «ни выражением научного языка, ни элементом потока опыта» [Oberdan, 1996, p. 272]. В этом контексте парадоксальная задача Шлика может быть понята как философское стремление сочетать несочетаемое и предложить перевод выражений, описывающих субъективный непосредственный опыт, на intersubjective язык науки, значение которого акцентирует Нейрат. Перевод этот осуществляется указанием на «личность воспринимающего наблюдателя», столь важную для научного протокола по форме «М. Ш. (приводится место и время) сделал констатацию “Здесь и теперь так-то”» [Шлик, 2010, с. 383].

Итак, констатации Шлика могут быть поняты как находящееся за рамками науки условие научных предложений, без которого последние не существуют, как «психологическая предпосылка» уверенности, мотивирующая ученого высказывать собственные суждения [Schlick, 1979, p. 409]. Форма протокольных предложений, включающая дополнительно к констатациям выражение эпистемической модальности (вероятно, возможно и т.д.), а также имя автора

констатации, лишает предложения непосредственной достоверности, но задает их интерсубъективность, поскольку именно в коммуникативном контексте принципиально брать ответственность за собственное научное высказывание приписыванием своего имени выражению опыта. Апеллируя к такой философской работе по переводу или по сочетанию несочетаемого, можно раскрыть экзистенциальную напряженность работы ученого как одновременно индивидуального и социального субъекта, который, подобно доктору Эроусмиту, упомянутому Наталией Ивановной, несет личную ответственность перед научным сообществом и, шире, людьми за точность своих доказательств, достоверность своих наблюдений, адекватность своего научного языка в целом.

Список литературы

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Карнап и др., 2006 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал „Erkenntnis“ («Познание») Избранное / Пер. с нем. А.Л. Никифорова. М.: Издательский дом «Территория будущего»: Идея-Пресс, 2006. С. 57–74.

Кузнецова, 2024 – *Кузнецова Н.И.* Оксюморон Венского кружка // Эпистемология и философия науки. 2024. № 1. С. 24–34.

Нейрат, 2010 – *Нейрат О.* Радикальный физикализм и «реальный мир» // Журнал „Erkenntnis“ («Познание»). Избранное. М.: Идея-Пресс: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 438–461.

Шлик, 2010 – *Шлик М.* О Фундаменте познания. Философия и естествознание // Журнал „Erkenntnis“ («Познание»). Избранное. М.: Идея-Пресс: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 356–384.

References

Bentley, 2022 – Bentley, J. “Protocol Statements, Physicalism, and Metadata: Otto Neurath on Scientific Evidence”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2022, vol. 96, pp. 125–134. DOI: 10.1016/j.shpsa.2022.09.007.

Carnap, R., Han, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskij kruzhok” [The Scientific Conception of the World. The Vienna Circle], *Erkenntnis: Selected Works*, trans. from German. Moscow: Izdatel’skij dom “Territorija budushhego”, Ideja-Press, 2006, pp. 57–74.

Kuznetsova, N.I. “Oksjumoron Venskogo kruzhka” [Oxymoron of the Vienna Circle], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 1, pp. 24–34. (In Russian)

Neurath, O. “Radikal’nyj fizikalizm i ‘real’nyj mir” [Radical Physicalism and the “Real World”], in: *Filosofija i estestvoznanie* [Philosophy and Natural Sciences], *Erkenntnis: Selected Works*, trans. from German. Moscow: Ideja-Press, Kanon+, ROOI “Reabilitacija”, 2010, pp. 438–461.

Oberdan, 1996 – Oberdan, T. “Postscript to Protocols: Reflections on Empiricism,” in: A. Anderson and R. Giere (eds.) *Origins of Logical Empiricism* (Minnesota Studies in the Philosophy of Science: Vol. XVI). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996, pp. 269–291.

Schlick, 1979 – Schlick, M. “On ‘Affirmations’”, in: M. Schlick. *Philosophical Papers, vol. II*, trans. by P. Heath. Dordrecht, Holland: Reidel, 1979, pp. 407–413.

Schlick, M. “O Fundamente poznanija” [On the Foundation of Knowledge], *Filosofija i estestvoznanie* [Philosophy and Natural Sciences], *Erkenntnis: Selected Works*, trans. from German. Moscow: Ideja-Press, Kanon+, ROOI “Reabilitacija”, 2010, pp. 356–384.

Uebel, 2020 – Uebel, T. „Schlick and Wittgenstein: The Theory of Affirmations Revisited“, *Journal of the History of Philosophy*, 2020, vol. 58, no. 1, pp. 141–166. DOI: 10.1353/hph.2020.0007.

Wittgenstein, 1994 – Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Part 1, trans. from German. Moscow: Gnosis, 1994.